

В. Н. Андреев

СТРУКТУРА ЧАСТНОГО БОГАТСТВА В АФИНАХ
V—IV ВВ. ДО Н. Э.¹

Вероятно, в любом классовом обществе состав имущества богатых слоев в значительной мере раскрывает специфику всей экономической системы, присущей этому обществу. Несомненно, в частности, что в капиталистическом обществе при всей его — во многих отношениях — подвижности существует историческая тенденция к некоему социальному застою. Столь же несомненно, пожалуй, что эта тенденция связана с прогрессирующим увеличением массы материальных ценностей, и прежде всего массы «средств производства», очень стабильных в силу самой своей природы. По-видимому, в определенном смысле сходную консервирующую роль в эпоху феодализма играла земля (с той разницей, что в этом случае социальную инерцию закрепляли главным образом внеэкономические факторы). Проще говоря, степень социальной аморфности или мобильности определяется (по крайней мере в значительной степени) соотношением между недвижимостью и деньгами. При прочих равных условиях общество, в котором преобладает денежное богатство, легче поддается социальным изменениям, чем общество противоположного типа.

Мы не знаем — и не узнаем никогда — состав «национального богатства» Афин или какого-либо иного древнего общества в какой-нибудь период его истории: это приходится признать как печальную неизбежность. В афинской лексике метко различались имущество «видимое» и «невидимое» (или «явное» и «неявное»). Граница между этими двумя видами собственности (многократно обсуждавшаяся в научной литературе) не всегда четко определяема. Дело в том, что эти понятия возникли, очевидно, в связи с государственными потребностями (особенно, вероятно, в связи с раскладкой прямого налога — эйсфоры) и получили оттенок «объявленного» и «скрытого». Однако в целом «невидимым» имуществом были прежде всего деньги в любой их форме — наличных денег, займов или вкладов.

¹ Основные идеи этой работы были изложены — по необходимости кратко — в моей статье «Структура крупных состояний в Афинах V—IV вв. до н. э.», — ЛГПИ им. А. И. Герцена, «XXVIII Герценовские чтения», Л., 1975, с. 136—141. В дальнейшем я использую некоторые формулировки этой статьи. Я несколько раз отошлю читателя также к фундаментальной работе Джона Дэвиса (*Davies J. K., Athenian Propertied Families 600—300 B. C. Oxf., 1971*, далее — *Davies*), в которой собран фактический материал о состояниях богатых афинских граждан.

Пользуюсь случаем, чтобы высказать свою признательность Э. Л. Грейсу за придрывное чтение рукописи и ряд дополнений и поправок, внесенных в статью по ее совету.

В самом этом слове очень явственно ощущается привкус безнадежности: «невидимое» имущество не поддавалось учету. Однако можно все же попытаться найти ориентиры, позволяющие построить наиболее вероятную «модель» афинского богатства.

Когда-то во «Введении» к своей кандидатской диссертации я написал: «Сельское хозяйство было главной отраслью производства в античном мире, земля — основным средством производства и основным объектом собственности». Это утверждение представлялось мне самоочевидным «общим местом»: в самом деле, оно повторяется настолько часто, что у него, собственно говоря, «нет автора». Совершенно неожиданно для меня С. Я. Лурье назвал этот тезис «голословным» (каковым он — надо признаться — и был в действительности). С его точки зрения, «основной отраслью аттического производства было ремесленное производство».

Я уклонился от дискуссии по этому вопросу, сославшись на то, что здесь отсутствуют ясные критерии. В каком-то смысле мы оба были, наверное, правы. Но теперь эта же проблема вернулась ко мне в новом обличии и с неожиданной стороны. В самом деле, какой состав «национального богатства» следует признать самым вероятным для Афинского государства, скажем, около середины IV в. до н. э.? Какой компонент этого богатства — в чисто денежном выражении — являлся важнейшим? Земля или недвижимость в целом? Рабы? Корабли и вообще все, что имело отношение к морскому делу? Наконец, деньги как таковые и «благородные металлы» в какой угодно их форме? Ответ далеко не кажется мне столь очевидным, каким казался два десятилетия тому назад.

Античные авторы не раз говорили о составе богатства вообще, имея в виду греческое общество в целом. Это всегда простое перечисление: земли, рабы, стада, деньги, «домашнее имущество» (Arist., *Polit.* 1267b₉₋₁₂); деньги, земля, «домашнее имущество», скот, рабы (*idem.*, *Rhet.* 1361a₁₂₋₁₅); дома, поля, рабы, скот, «спаряжение» (Xen., *Mem.* II, IV, 2; ср. Hiero, IV, 7); дома, «синойки» (см. ниже), земельные участки, рабы, деньги, данные в долг (Aeschin., I, 105; ср. Isae., II, 27, Plato, *Resp.*, 417a и — наблюдение Э. Л. Грейс — Xen., *Mem.* III, 11, a). Это примерно одни и те же компоненты, но даже самый порядок их перечисления (сохраненный в ссылках) произволен, так что нет, как кажется, никакой возможности вывести отсюда какое-то соотношение между ними. В официальном языке прослеживается как будто совершенно определенная тенденция отождествлять «земельные участки и дома» с имуществом вообще². Дело, очевидно, в том, что античному мышлению владение землей и домом представлялось нормой для полноправного гражданина. Формула «земельные участки и дома», конечно, очень характерна, но она не дает представления ни об имуществе высших слоев гражданства, ни о совокупности «национального богатства».

Столь же мало прямого отношения к делу имеют общеизвестные факты социально-политического и социально-психологического порядка: высокая репутация земледелия, связь с землей самого понятия гражданских прав, требование к афинским ораторам и стратегам владеть землей в пределах государственных границ (Din., I, 71). Эти обстоятельства только объясняют в какой-то степени, почему в составе имущества богатых граждан обычно находились земельные участки и почему «нувориши» стремились приобрести некоторое количество земли.

Историческая наука давно уже нашла самый простой и эффективный метод решения нашей проблемы: сравнение тех отдельных состояний, структура которых более или менее полно отражена в источниках. Под-

² См. Казакевич Э. Л. О рабах-агентах в Афинах. — ВДИ, 1961, № 3, с. 4, прим. 4.

борки такого материала осуществлялись со времен Бёка, но, насколько я знаю, только в последнее десятилетие стали подвергаться более подробному анализу и использоваться как основа для сравнительно широких обобщений. Я имею в виду работы А. Х. М. Джонса и Л. М. Глускиной, представивших свои коллекции в легкообозримой форме таблиц. Этими таблицами можно воспользоваться для нашей цели.

Таблица Глускиной³ включает семь случаев. Вряд ли пужно воспроизводить ее здесь, но некоторые замечания оказываются необходимыми. В таблице собраны сведения о состояниях, состав которых относительно подробно раскрывается в речах Исея. Эти состояния следует, пожалуй, рассматривать как «умеренные» и «крупные», но (за одним исключением) не как «крупнейшие». Лишь одно из них (Дикеогена III, 7-й случай по таблице; Глускина не нумерует перечисленные состояния и не указывает имени владельца) превышало, по-видимому, 10 или даже 15 талантов. Три (Менекла, Кирона и Теофонта, случай 1—3) не превосходили трех талантов, т. е. приблизительно того уровня, с которого начиналось выполнение общественных повинностей — литургий. Два (Стратокла и Эвктемона, случаи 5 и 6) располагались в пределах 5—6 (или несколько больше) талантов. Сумма всех этих семи состояний составляет около 35 талантов.

В таблице Глускиной имущество распределено по нескольким категориям (соответственно столбцам). В первую входят земельные владения. Все семь персонажей имели земельные участки, и Глускина справедливо рассматривает их как представителей определенной прослойки, связанной с землевладением (в отличие от Демосфена Старшего, о котором см. ниже). Очень грубый подсчет показывает, что ценность земельных владений составляла минимум $\frac{1}{3}$, более вероятно — около половины упомянутых 35 талантов, суммы всех состояний (я принимаю для Эвктемона и Дикеогена, сведения о земельных владениях которых недостаточно полны, приблизительно то же соотношение, что и для остальных).

Примечательно, что четверо из этих собственников имели не по одному, а по два-четыре дома (и эти данные опять-таки не являются исчерпывающими). Речь идет в основном не о постройках «в деревне», на земельных участках или поблизости от них (такие постройки, по-видимому, нередко выпадали из перечня), а о домах в городе. Два из этих домов обозначены как «синойкий», т. е. дома, сдаваемые внаймы, «доходные». (Собственно, внаймы мог быть сдан и обычный дом. Специфика синойки та, что этот дом был рассчитан на несколько отдельных нанимателей. Глускина принимает перевод «многоквартирные», что хорошо — хотя и косвенно — отражает суть дела.) Общая стоимость домов в таблице составляет 3—4 таланта. В действительности она была, вероятно, несколько больше, но вряд ли превышала эту цифру более чем, скажем, в полтора-два раза. Это даст общую сумму для домов что-нибудь около 5, максимум 8 талантов. Таким образом, цена домов представляет собой приблизительно $\frac{1}{5}$ суммы всех состояний. Цена земельных участков превосходит цену домов в 2—3 раза.

Когда-то я потратил немало времени, чтобы получить среднее соотношение между ценностью земли и домов в надписях о закладе имущества. В итоге сложных и, может быть, в чем-то рискованных подсчетов получилась пропорция 2,5 : 1⁴. При всей приближенности тех и других операций в обоих случаях совершенно независимым образом получен одинаковый результат. Я склонен рассматривать этот факт как довольно сильное под-

³ Глускина Л. М. Имущественные отношения и рабство в Аттике IV в. до н. э. по речам Исея. — В кн.: Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М. — Л., 1963, с. 230 сл., табл. 4.

⁴ Андреев В. Н. Размеры земельных участков в Аттике в IV в. до н. э. — ВДИ, 1959, № 2, с. 132.

тверждение известной типичности выведенного соотношения. Конечно, и закладные надписи, и речи ораторов касаются ограниченного слоя афинского гражданства. Однако не видно, почему бы для других слоев и на иных имущественных уровнях пропорция должна была бы существенно измениться. Характерно, что в декретах о даровании иностранцам права приобретения недвижимости в Атике (дающих иногда максимальную денежную оценку) цена домов в 2—4 раза меньше цены земельных участков⁵. Похоже на то, что соотношение примерно такого порядка — конечно, только в качестве некоего ориентира — может быть принято для Атики в целом.

Отдельную статью имущества в таблице Глускиной составляют рабы. Однако содержащаяся в источниках информация по этому вопросу не только недостаточна: она, я бы сказал, страдает каким-то не совсем понятным нам внутренним дефектом. Рабы упоминаются — в небольшом числе — только в составе имущества Кирона и Эвктемона. В двух случаях — Менекла и Дикеогена — нет полного перечня, так что отсутствие рабов не требует здесь специального объяснения. Но состояния Теопомпа, Теофонта и Стратокла (во всяком случае двух последних) в принципе должны были быть «расшифрованы» полностью, между тем о рабах здесь ничего не говорится.

Л. М. Глускина резонно замечает, что в действительности все упоминаемые Исеом крупные собственники безусловно имели рабов, и это иногда обнаруживается в попутных замечаниях оратора (с. 229). С ее точки зрения, ускользали от внимания главным образом домашние рабы, в то время как рабы, занятые производительным трудом, в перечень включались. Отсюда делается вывод, что доходы от рабов, занятых в производстве, были в рассматриваемых случаях незначительны (с. 230 сл.). С этим выводом я не могу согласиться прежде всего потому, что остается непонятным, почему же все-таки домашние рабы могли оказаться вне перечня имущества. Ведь важна была не «доходность» их, а цена. Проще предположить, в конце концов, что Теофонт и Стратокл по завещанию отпустили своих рабов на свободу. Что касается рабов «производительных», то где-нибудь в другом месте я попытаюсь обосновать предположение, что обработка земли, принадлежавшей горожанам-землевладельцам, осуществлялась, как правило, штатом рабов во главе с управляющим — привилегированным рабом, вольноотпущенным или метэком. Это был «аппарат», обладавший значительной хозяйственной самостоятельностью, а в его юридических отношениях с владельцем земли мыслимы самые различные варианты. По-видимому, сходным было положение и в других отраслях хозяйства.

Последний столбец в таблице Глускиной включает «прочее имущество». Составлен он, на мой взгляд, не совсем удачно. Во-первых, сюда вошли самые разнородные компоненты, включая, например, наряду с овцами и козами домашнюю утварь и процентные долги: было бы естественно по крайней мере деньги (в долгах они заключались или нет) выделить в особую рубрику. Во-вторых, именно по этому последнему пункту таблица содержит явные упущения, хотя более полный материал о деньгах, данных в долг, приводится в другом месте этой же статьи (с. 227, прим. 16). Поскольку как раз этот вопрос нас здесь особенно интересует, придется рассмотреть его заново.

Итак, относительно Кирона известно, что у него было «немало денег, отданных в долг под проценты» (Isae., VIII, 35, ср. 37). Остальное имущество оценивалось в 90 миш, т. е. в полтора таланта. Можно только гадать, сколько же могли составлять «крупные займы» (οὗκ ὀλίγα — это и значит

⁵ См. Pečírka J. The Formula for the Grant of Enktesis in Attic Inscriptions. Praha, 1966, p. 147.

чаще всего «много», «крупные»). Этой формулировке удовлетворяли бы, пожалуй, полталанта или талант, но такой способ «вычисления», конечно, очень ненадежен. Любопытно, что некий Кирон из дема Питта известен как кредитор в закладной надписи IV в. (Finley, SLC, № 53). Правда, демотик Кирона в речи Исея прямо не указан, но принадлежность его потомков именно к этому дему очень правдоподобна, особенно в связи с тем, что имя Кирон — довольно редкое и встречается, кроме Питта, только в Прасиях (см. Davies, p. 316). По мнению Дэвиса, кредитором был одноименный внук нашего Кирона. Не исключено, однако, что Кирон и сам происходил из того же дема и что его собственные финансовые дела получили документальный ореол в виде долгового камня.

Далее, Теопомп в перечне своего имущества ничего не говорит о каких-либо деньгах, хотя он был человеком состоятельным. Дэвис (с. 88 сл.) высказывает достаточно аргументированное предположение, что в действительности он мог располагать значительными средствами, заключавшимися в займах, а умолчание о них вполне объясняется его личными интересами. Зато состояние Стратокла — единственное, относительно которого по самой сути дела следует ожидать абсолютно полного перечисления, — включало деньги в самой разнообразной форме: процентные долги (40 мин), беспроцентные займы (10 мин) и наличные (к моменту кончины, очевидно) деньги в доме (9 мин; Isae., XI, 42—43). Всего получается, таким образом, почти 1 талант. Земельный участок Стратокла стоил 2,5 таланта, состояние в целом равнялось 5,5 таланта.

Состояние Эвктемона «раскрыто» не полностью, но ясно, что какая-то часть его заключалась в деньгах, данных взаймы. Так, он владел домом в качестве залога за сумму в 44 мины, т. е. в сущности «заменившим» деньги, отданные в долг (Isae., VI, 33). Что касается Менекла и Дикеогена, то о принадлежавших им деньгах ничего не сообщается, но можно не сомневаться, что в руках Дикеогена побывали очень крупные суммы (см. о нем Davies, с. 146, где, правда, ничего не говорится о столь же кипучей, сколь, по-видимому, неудачной «предпринимательской» активности этого человека; см. Isae., V, 21—43).

Таким образом, деньги (преимущественно в виде займов) составляли довольно значительную часть средних и крупных состояний, известных из речей Исея. Те цифры, которые находятся в нашем распоряжении или могут быть предположены с достаточным основанием, сравнимы по своей общей величине с суммарной ценностью домов, хотя сильно уступают ценности земельных участков. Здесь, однако, требуется очень существенная оговорка. Л. М. Глушкина в начале своей статьи (с. 223) пишет, что процессы о наследстве (т. е. те, которым посвящены речи Исея) относились преимущественно к «видимому» имуществу. К этому резонному замечанию можно добавить, что деньги в отличие от недвижимости постоянно приходят и уходят, так сказать, «текут», так что фиксации поддается лишь какая-то их часть. Поэтому любые подсчеты (опять-таки в отличие от недвижимости) в состоянии дать (как правило) только отдаленное представление о возможном минимуме денежных средств, находившихся в руках отдельных лиц и социальных прослоек. Иначе говоря, если для земель и домов, вошедших в таблицу Глушкиной или могущих быть включенными в нее дополнительно, мы не можем при всех мыслимых поправках увеличить полученные нами цифры, скажем, в 2—3 раза, то для денежных средств такого ограничения не существует. В распоряжении Эвктемона, например, в какой-то период его долгой жизни могли находиться суммы, абсолютной величиной намного превосходившие ценность его недвижимого имущества, а то обстоятельство, что мы ничего не знаем об этом, не может служить аргументом против подобного предположения.

Подборка, сходная с той, которую осуществила Глускина, была сделана также и Джонсом⁶. Таблица Джонса включает тех же самых лиц, известных по речам Исея (за исключением невыразительного Менекла), с одним существенным добавлением: использованы также сведения о состоянии Тимарха и его отца Аридзела (Aeschin., I, 97—104). Аридзел владел четырьмя земельными участками (расположенными в разных областях Аттики — характерная деталь!). двумя эргастериями в районе рудников, десятком квалифицированных рабов-кожевников, рабом и рабыней, занятыми производством одежды, вероятно, имел еще и домашних слуг и, наконец, деньги, данные в долг. Конкретно указан только один из долгов — больше 30 мин.

Имущество Аридзела в главных чертах соответствует тому образцу, который вырисовывается в таблице Глускиной. Общей оценки состояния нет, стоимость большинства его компонентов не обозначена; по самому умеренному подсчету оно составляло, пожалуй, не меньше 3—4 талантов (так что Аридзел, собственно говоря, заслуживал бы включения в «Регистр» Дэвиса в качестве богатого афинского гражданина) и главной его частью, видимо, были земельные владения. Специфика, конечно, в том, что состояние Аридзела имеет более «производительный» характер: два рудничных предприятия, 11 или 12 рабов-ремесленников — все это говорит само за себя⁷. И опять-таки часть имущества составляют деньги, данные в долг, может быть, очень значительные суммы.

Таблица, приведенная Джонсом, — лишь один из моментов в его рассуждениях на тему о крупных состояниях в Афинах (с. 87—90). В отличие от Глускиной он склонен на основе своего материала сделать далеко идущие обобщения. С его точки зрения, состояния, известные по Исею и Эскину, представляют собой pattern, образец, который можно распространить на афинскую имущественную элиту в целом. Образец этот сводится к тому, что основной частью имущества является земля, за ней следуют дома, иногда имеется немного инвестированных денег или небольшое количество «индустриальных» рабов. Конечно, признает Джонс, были состояния, сбалансированные иначе, заключавшиеся главным образом в займах или рабах, но мы слышим о них немного и они, так сказать, «не делали погоды».

Вероятно, в чем-то Джонс прав и постулируемый им pattern имел довольно широкое распространение. В упомянутой статье о структуре крупных состояний я «расправился» с его построениями, пожалуй, слишком категорично. Но основные мысли этой статьи и теперь кажутся мне верными, так что я их не замедлю воспроизвести и дополнить новыми соображениями.

Суть дела, по-видимому, в том, что здесь происходит «накопление» ошибок, каждая из которых терпима в отдельности, но становится опасной в соседстве с другими, потому что они не «погашают» друг друга,

⁶ Jones A. H. M. *Athenian Democracy*. Oxf., 1964, table on p. 151 f.

⁷ Весли Томпсон (*Thompson W. E. The Athenian Investor*. — *Rivista di studi classici*, XXVI, 1978, fasc. III, p. 408, not. 22) полагает, что рабы эти (исключая двух, о которых сказано особо) панимались к какому-то «предприимчивателю», поскольку они платили своему хозяину «анопору», «оброк». Этому несколько противоречит то обстоятельство, что упомянут «эргастерий». Однако «эргастерий» можно, по-видимому, понять или как чужую мастерскую, или просто как совокупность рабов, так сказать, «артель». Какой-то намек на последнюю возможность заключен в том, что руководитель рабов назван «гегемоном» («вожаком, предводителем»), а не «эпитропом» или «эпистатом», как было бы более естественно для управляющего мастерской. Таким образом, предположение Томпсона представляется довольно правдоподобным. (О значении эргастерия как группы рабов см. *Finley M. I. Studies in Land and Credit in Ancient Athens*. New Brunswick, N. Y., 1952, p. 67.)

а все действуют в одном и том же направлении. Похоже на то, что на Джонса повлияла его идея об относительно равномерном распределении собственности в Аттике (в свою очередь основанная на очень спорных предпосылках). Я сам когда-то пытался доказать отсутствие резких контрастов во владении землей, да и ныне придерживаюсь этой же точки зрения. Но Джонс охватывает проблему значительно шире — он имеет в виду имущественные отношения в целом. При этом им движут, можно сказать, лучшие побуждения: будучи сторонником афинской демократии, он в отличие от модернизаторов конца XIX в. видит Афины в идиллическом свете «социальной терпимости». Но в конечном счете все это приводит к превратному пониманию античной экономической жизни — к некоей «архаизации». В действительности эта жизнь не была ни «капитализированной», ни патриархальной: она была *особенной*, и в этом все дело.

По-видимому, мы вращаемся здесь в каком-то заколдованном круге: естественна склонность ученых оперировать «перечнями» имущества, сравнительно точными цифрами его состава и включать их в таблицы. Но — как уже в какой-то мере отмечено Глускиной — точные цифры появляются главным образом там, где речь идет о «видимом» имуществе. При таких условиях вывод о преобладании недвижимости, очевидно, предопределен, но чрезвычайно ненадежен. Чтобы обнаружить «закон», необходимо обратиться ко всей совокупности прямых фактов, косвенных доказательств и общих соображений, имеющих отношение к вопросу. Л. М. Глускина в своей статье отмечала определенную односторонность сделанной ею подборки. Эта односторонность, однако, заключается не только в «землевладельческой ориентации» персонажей, известных из речей Исея. Как раз в этом-то отношении они, может быть, вполне типичны. Односторонность заключается также и в том, что, как было отмечено выше, эти персонажи далеки от высшего слоя афинской имущественной элиты. Только Дикеогена (в имущественных делах которого остается, впрочем, много неясностей) и, может быть, Эвктемона можно — не без колебаний — отнести к этому слою. А ведь именно для них преобладание земельных владений в составе имущества не только не выражено отчетливо, но и вообще находится под вопросом.

В своей статье «Структура крупных состояний в Афинах V—IV вв. до н. э.» я привел ряд примеров, недвусмысленно свидетельствующих о крупных состояниях, в составе которых деньги решительно преобладали над недвижимостью. Эту подборку можно теперь расширить. По причинам, указанным выше, точных цифр здесь немного, денежное богатство «трудноуловимо», но при всем этом оно прослеживается достаточно явственно, как мы сейчас увидим.

Пожалуй, удобнее всего начать с состояния Демосфена Старшего, отца знаменитого оратора. Это состояние упомянуто Джонсом и Глускиной мимоходом, как своего рода аномалия (Джонс) или феномен несколько особого социального порядка (Глускина).

Перечень имущества Демосфена-отца имеется, в частности, у Дэвиса (с. 127). Для наших целей удобно сгруппировать его отдельные статьи иначе, чем это делает Дэвис. Недвижимость представлена домом ценой в 3000 драхм. Рабы-ремесленники (числом более 50, но см. ниже) стоили 3 таланта 5000 драхм. Запасы материалов («сырья») для производства, домашняя обстановка и драгоценности — 4 таланта 1000 драхм. Все это составляет 8,5 талантов. Остальное — это деньги, в том числе наличные (1 тал. 2000 др.) и находившиеся в займах и вкладах (3 тал. 5600 др.), всего 5 талантов 1600 драхм. Итоговая сумма — 13 талантов 4600 драхм.

Здесь есть интересные пункты, и я расставил бы акценты не там, где это делается обычно. Суть дела не в том, что Демосфен-отец — «промыш-

ленник» в отличие от клиентов Исея — «землевладельцев». Тот момент, что он не имел земли, представляется в принципе несущественным (Дэвис выдвигает интересное и заслуживающее внимания предположение, что у него были на это свои особенные мотивы — с. 128 сл.). Переход от «землевладельцев» к «промышленникам» столь постепенен, что мы, может быть, вообще не в состоянии по-настоящему отличить один слой от другого, когда речь идет о богатых гражданах. В своем большинстве эти люди, по-видимому, имели земельные владения, но жили в городских домах и владели разнообразным городским имуществом, в том числе, как мы видели, мастерскими и рабами-ремесленниками. Важнейшим признаком, всех их объединяющим, является, на мой взгляд, именно это стремление к «рассредоточению» своего состояния, и в этом отношении Демосфен Старший ничуть не отличается, например, от Эвктемона или Аридзела. Подлинная социальная граница проходит между этими горожанами (чаще всего горожанами-землевладельцами) и мелкими городскими ремесленниками. Пожалуй, еще резче проявляются различия между городскими «предпринимателями» и крестьянством, не связанным с городом. Это линия раздела и в имущественном уровне, и в образе жизни, и в самой психологии.

И второе. Демосфен Старший был богаче любого из персонажей, перечисленных выше (за исключением, может быть, Диксогена). Вместе с тем в составе его имущества особенно велика роль денег. Следует иметь в виду, что 20 рабов-ремесленников не принадлежали Демосфену, а были получены в качестве обеспечения за долг в 4000 драхм. Мы, по-видимому, вправе рассматривать эту сумму как деньги, данные в долг. В таком случае деньги в той или иной форме составляли приблизительно 6 талантов из общей суммы в (округленно) 14 талантов. Если же перевести — что было бы только справедливо — кубки и золотые украшения в раздел «денежного богатства», обе части состояния, пожалуй, сравняются. Нужно согласиться, что это очень высокая пропорция. И мне кажется, что отец оратора вовсе не какая-то уникальная фигура. Имеется достаточно оснований предположить, что, попросту говоря, чем крупнее было состояние, тем, как правило, большую его долю составляли денежные средства.

В некоторых случаях мы имеем на этот счет прямую информацию. Так, состояние Диодота, превышавшее (максимум на 1—2 таланта) 15 талантов, включало около 5,5 талантов наличных денег и около 9,5 талантов в займах (Davies, с. 152 сл.). Огромное состояние Никия, предположительно оценивавшееся не менее чем в 100 талантов, большей частью было в наличных деньгах (Lys., XIX, 47). В имуществе «банкира» Пасиона, как это теперь, пожалуй, можно считать установленным⁸, недвижимость занимала сравнительно скромное место в сравнении с наличными деньгами и деньгами, данными в долг.

Совершенно естественно, что главным образом в деньгах заключались крупные состояния военных и политических деятелей, созданные «внеэкономическим» путем: Фемистокла, Клеона, самого Демосфена и многих других. Перечислять их всех не имеет смысла. Достаточно привести некоторые случаи, когда нам известны более или менее точные цифры.

Так, Лисий сообщает, что имущество полководца Конона, согласно его завещанию, составляло около 40 талантов (XIX, 40). Речь идет, несомненно, исключительно или почти исключительно о наличных деньгах. К тому же Лисий говорит о 40 талантах так, как будто они представляли собой все состояние Конона. Сведения эти уже у Бёка⁹ вызвали опре-

⁸ Андреев В. Н. Демосфен о «банке» Пасиона: интерпретация. — ВДИ, 1979, № 1, с. 134—138.

⁹ Boeckh A. Die Staatshaushaltung der Athener. В. 1^я. Б., 1886, S. 563.

деленные сомнения, в особенности потому, что в Аттике оставался сын Конона Тимофей и здесь у семьи, конечно, оставалось какое-то имущество, может быть, значительные земельные владения. Бёк напоминает в этой связи, что позднейшая традиция приписывала одному из предков Конона скупку земли во времена Солона. Не имеет значения, что сама по себе эта широко известная «новелла» о так называемых «хреокопидах» (Plut., Sol. XV, 7) в общем единодушно признается политической фальсификацией (см. Davies, с. 506). Вряд ли она вообще могла возникнуть, если бы к этому моменту Конон (или его отец) не был крупным землевладельцем. Следует добавить, что Тимофей уже в 370-х годах владел «полем на равнине» и другой недвижимостью, стоившей, может быть, значительно больше 7 талантов (IDem., XLIX, 11). За 7 талантов она была заложена, а ценность закладываемого имущества обычно намного превышала сумму долга. Строго говоря, заложено могло быть и движимое имущество, но упоминание в этом контексте долговых камней, равно как и общие соображения, заставляют предполагать главным образом недвижимость.

Вслед за Бёком Дэвис думает, что из завещания Конона было исключено имущество, принадлежавшее Конону или Тимофею в Аттике — и это, в самом деле, очень правдоподобно. Но далее (со ссылкой на Барбьери) он заключает, что 40 талантов представляют только *realizable assets* на Кипре, находившиеся в распоряжении Конона (с. 508). Судя по этому выражению, допускается возможность, что Конон перед смертью обратил какое-то имущество (например, недвижимость?) в деньги и таким способом получил свои 40 талантов. Это, конечно, не невозможно, но маловероятно. Не говоря уже о том, что такого рода операции мало выязались бы со всем обликом Конона и его положением на Востоке (включая тот немаловажный факт, что на Кипре у него оставалась вторая семья, — Lys., XIX, 36), следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Ближайшим соратником Конона был Никофем, о котором Лисий сообщает, что тот приобрел богатство после (и, очевидно, в результате) морской битвы при Книде (§ 28). По-видимому, в этом отношении судьбы этих двух афижан сходны, а оставленное Кононом состояние в 40 талантов представляло собой преимущественно военную добычу или ее непосредственный результат, т. е. имело скорее всего денежную форму. В пользу такого понимания дела косвенно свидетельствует тот факт, что около половины состояния Конона исчислено в статерах, а не в привычных для Аттики драхмах (§ 39).

То же самое — с большей уверенностью — можно предположить и применительно к состоянию упомянутого Никофема и его сына Аристофана, составлявшему не меньше 15 талантов (см. Davies, с. 201 сл.), да и, собственно говоря, к любому состоянию, созданному на службе за границей. Конечно, такой же «денежный» характер имели крупные состояния, возникшие при разработке серебряных рудников. Несколько таких разбогатевших «горнопромышленников» перечислено в одной из речей Гиперида (III [Euxen.], 34—35). К ним следует прибавить Дифила, нарушившего порядок эксплуатации рудников. Конфискованное имущество Дифила равнялось 160 талантам (IPlut., Mor. 843d).

Разумеется, какая-то часть этих денег вкладывалась в покупку недвижимости, рабов, обстановки и пр. Какая именно часть — в этом, пожалуй, и состоит суть проблемы. С точки зрения Джонса, перечисленные лица представляют собой исключения, отклонения от нормы, нуждающиеся в специальном объяснении и легко его получающие. Конон и подобные ему полководцы — это античные кондотьеры, Пасион — «банкир», да к тому же бывший метэк, Демосфен Старший, возможно, homo novus и т. д. Состав их имущества поэтому не может считаться типичным. И они хотя бы в следующем поколении стремились «вернуться к норме», т. е.

прежде всего обзавестись недвижимостью. В качестве примеров Джонс приводит сына Колона Тимофея, самого Пасиона и его сына Аполлодора, выступавшего «as a considerable landlord» (с. 88 сл.).

Вопрос заключается в том, что тут — правило, а что — исключение. Примеры эти, надо сказать, не очень удачны. Относительно Пасиона достаточно сказано в моей статье «Демосфен о „банке“ Пасиона: интерпретация». Давным-давно, еще вполне разделяя традиционную точку зрения насчет «земельных владений» «банкира», я отметил однажды, что его сын Аполлодор вовсе не выглядит крупным землевладельцем¹⁰. Известно, правда, что его имя — в числе вносявших проэйсфору — было зарегистрировано в трех демах, потому что его собственность была «видимая» (δὴ τὸ φαερὰν εἶναι τοῦ τῆν οὐσίαν — [Dem.], L, 8). Это сообщение нередко толкуется таким образом, что он в трех демах владел землей (см. перевод Марри и Дэвис, с. 431). Однако «видимая собственность» вовсе не ограничивалась землей: не входя в детали, достаточно указать, что «видимыми» являлись также дома и мастерские, а Аполлодор унаследовал и то и другое (Davies, с. 431, 433). О земельных владениях Аполлодора говорится в двух судебных речах ([Dem.], L, 13 и 28, LIII, passim). Это вполне мог быть один и тот же (и единственный) принадлежавший сыну «банкира» участок (τὸ χωρίον в L, 13, 28), к тому же умеренных размеров (он был заложен за 3000 драхм — [Dem.], там же). Что до Тимофея, то остается неясным, насколько его, может быть, гораздо большие земельные владения были унаследованы от предков (см. выше).

Пожалуй, много более убедительными примерами вложений в недвижимость были бы действия упомянутого выше Аристофана, сына Никофема, скупившего больше 300 плетров земли (а прежде имевшего лишь «участочек» в Рамнунте — Lys., XIX, 28—29) и Филократа из Гагнунта, известного политического деятеля середины IV в., собственность которого включала земельные участки, дома и эргастерии (перечисление содержится в надписи — «Hesperia», V, 1936, с. 394—413, сткк. 10—115; Филократ разбогател за счет подарков македонского царя — см. Dem., III, 29 и схолии, XIX, 114, 145—146). Некая объективная ирония заключена в том, что об обоих «крупных землевладельцах» нам стало известно благодаря тому обстоятельству, что их имущество было конфисковано государством. Уже этот факт содержит в себе ясный намек на то, почему для богатых людей было бы проявлением элементарного благоразумия значительную часть своего имущества оставлять в «невидимой» форме.

Только в отношении Аристофана мы располагаем хотя бы приблизительными цифрами. На покупку земли и дома он затратил из 15 талантов (которыми располагал благодаря обогащению Никофема) 5 с лишним талантов, т. е. немного больше $\frac{1}{3}$. Почти все остальное — если верить Лисию, а в интересах его клиента было именно эти цифры сколь возможно преувеличить — оказалось истрачено, главным образом на предпринятые им морские «военно-политические» экспедиции (в которых он рассчитывал, конечно, с лихвой компенсировать затраты — см. Lys., XIX, 23). В итоге наличных денег у него, может быть, вообще не осталось, он был вынужден прибегнуть к займам и т. д. (§ 22—27; все это до некоторой степени сомнительно, но приходится довольствоваться теми сведениями, какие имеются налицо). В том же ключе следует, по-видимому, рассматривать и сообщения о материальных затруднениях Тимофея и Аполлодора. Джонс считает эти затруднения результатом «превращения» денег в недвижимость. Все это означает, с его точки зрения, «приведение к норме» крупных состояний, случайно отклонившихся от нее, а самая норма за-

¹⁰ Андреев В. Н. Вопрос о концентрации земли и обезземелении крестьянства в Аттике IV в. до п. э. — Уч. зап. ЛГПИИ им. А. И. Герцена. Т. 164, ч. III. Л., 1958, с. 75.

ключается в преобладающей роли недвижимого имущества. Пример Аристофана ясно показывает, что возможно и иное понимание тех же самых фактов. Аристофан ведь в самом деле «превратил» (заметим — мепьшую) часть своего богатства в другую форму, по природе своей более стабильную (что как раз его собственности стабильности не хватило, это, в конце концов, частный случай). Остальное — то, что оставалось в денежной форме, — разумеется, могло быть истрачено, снова приобретено и приумножено гораздо легче, но это уже дело конкретных обстоятельств, удачи, характера и образа жизни, которые не у всех были одинаковы. Все эти понятные пертурбации ничуть не означали преобладания недвижимости в имуществе афинской элиты в целом. Они, на мой взгляд, не означали даже и тенденции к установлению такого преобладания.

Этих примеров, пожалуй, уже достаточно, чтобы противопоставить представлению Джонса о «нормальной» структуре афинского богатства совершенно иной «pattern». С самых разных сторон я подхожу к выводу, что денежная форма богатства, появляющаяся уже на уровне «средних» состояний, становилась господствующей в состояниях богатых и богатейших слоев. В поддержку этой идеи можно привести еще кое-какие соображения. Тезис о преобладании недвижимости в структуре афинского богатства опровергается прежде всего простым сопоставлением двух рядов цифр, сохранившихся в античных источниках. С одной стороны, мы знаем о состояниях в 15—30 и даже 100—200 талантов. С другой стороны, среди множества цифр, прямо или косвенно (долговые кампи) определяющих цену земельных участков на территории Аттики, нет ни одной хотя бы в какой-то степени соответствующей этим величинам. Я занимался этим вопросом и не хотел бы здесь повторяться. Таблицы всех к тому времени известных цен земельных участков (опубликованные в последние десятилетия материалы только подкрепляют прежние выводы) приведены в одной из моих статей¹¹. В другой статье я высказал предположение, что участки ценой в 2—2,5 таланта (площадью приблизительно в 20—30 га) составляли нечто вроде «пормы» крупного землевладения. Может быть, это какой-то реликт, сохранившийся от солоповской эпохи и соответствующий владениям высшего имущественного «класса» афинских граждан — пентакосиомедимнов¹². Конечно, такая «норма» в отдельных случаях могла быть превзойдена в результате наследования или покупки земли. Но здесь вступает в силу простое соображение. Является общепризнанным, что в Аттике не складывались *сплошные* земельные владения столь крупного размера, чтобы их можно было назвать «латифундиями». Даже те, кто признает значительную концентрацию земли в течение IV в., все же считают, что эта концентрация совершалась в форме скупки территориально разобщенных участков (я слегка сомневаюсь, можно ли именовать «концентрацией» процесс такого рода, но это уже другой вопрос). Общепризнано также, что эта «концентрация» земли не сопровождалась никакими существенными улучшениями в способе ее эксплуатации. Сколько же участков мог позволить себе приобрести один землевладелец при таких условиях? Разве не ясно, что его аппетитам самой природой всего этого процесса был положен лекий — довольно близкий — неизбежный предел? Ведь очевидно, что на определенном, легко достижимом уровне дальнейшая покупка разрозненных участков становилась просто невыгодной, не имела экономического смысла!

Похоже на то, что совокупность наших источников вполне подтверждает эти общие соображения. С исчезновением Пасиона из числа атти-

¹¹ Андреев. Размеры земельных участков..., с. 121—146.

¹² Андреев В. Н. Архаические пормы в частном афинском землевладении. — ЛГПИ им. А. И. Герцена, «ХХIV Герценовские чтения». Л., 1971, с. 157—159.

ческих «земельных магнатов»¹³ единственной фигурой, в какой-то мере претендующей на эту роль, остается Фенипп, «преуспевающий землевладелец» из XLII речи в собрании речей Демосфена (при этом нередко выпадает из поля зрения, что этот счастливчик был одно время, по-видимому, в довольно крупных долгах, как это в сущности признает и его оппонент — § 28—29). Фениппу принадлежал большой «окраинный участок» (ἐσχατία), с которого владелец якобы получал за год свыше 1000 медимнов хлеба и больше 800 метретов вина (§ 20). Для получения такого урожая требовалось бы, пожалуй, не меньше 80—100 га земли. К тому же участок включал лесные угодья и, может быть, пастбищные земли. Сообщается также, что участок имел «в окружности» (буквально «кругом», κύκλῳ) 40 стадиев (§ 5). Если под этим понимать протяженность границ и если участок имел очертания, близкие к квадрату, то его площадь должна была составлять приблизительно 300 га.

Эти сведения не однажды подвергались критике. Дело в том, что оппоненту Фениппа было выгодно изобразить как можно ярче богатство последнего. Следует ожидать поэтому большого преувеличения как в отношении площади имения, так и особенно относительно урожая. И о том и о другом сказано таким образом, что проверить эти утверждения очень затруднительно. Де Сент-Круа выдвинул правдоподобное предположение, что цифра в 40 стадиев представляет собой сознательно дезориентирующую формулировку¹⁴. По-видимому, действительные размеры участка могли сводиться к 50—80 га; тогда ценность его составляла бы что-нибудь около 5—6 талантов¹⁵. Дэвис, исходя из совсем иных соображений, принимает 4,5 таланта или несколько больше (там же). Такого порядка (и даже несколько большие) цифры вполне соответствовали бы нашим представлениям о масштабах аттического крупного землевладения. В речи нет никаких прямых сведений о другом принадлежавшем Фениппу имуществе, но что в его составе могли находиться деньги, может быть очень значительные, на это намекает обвинение в том, что Фенипп — мастер «скрывать» (имущество) и «ускользать» (от общественных повинностей — § 23).

Попутно, пожалуй, следует сделать еще одно замечание. Пока в советской науке господствовали представления о массовом разорении крестьянства и интенсивной концентрации земли в IV в. до н. э., имение Фениппа могло рассматриваться как типичное проявление этого процесса¹⁶. Совершенно ясно, однако, что скупка участков разорившихся крестьян, даже если бы таковая действительно имела место, в условиях Атики только чудом могла бы привести к созданию большого сплошного имения. На самом-то деле мы ничего не знаем о том, как сложилось владение Фениппа. Но если оно составляло не 300—360 га (как обычно считалось), а 50—80 га, дело достаточно объясняется тем, что Фенипп унаследовал два крупных состояния (§ 22—23).

Наиболее важные для нас выводы из всего сказанного состоят в том, что: 1) в Атике V—IV вв. известны очень большие состояния; 2) ни об одном из них мы не знаем и не можем с достаточным основанием предположить, что оно состояло главным образом из недвижимого имущества; 3) напротив, все, что известно о земельных владениях, указывает на их весьма скромные размеры. Все это, как кажется, неопровержимо свиде-

¹³ Андреев. Демосфен о «банке» Пасиона ...

¹⁴ Ste Croix G. E. M. de. The Estate of Phaenippus (Ps.-Dem., XLII).— Ancient Society and Institutions. Studies presented to V. Ehrenberg. Oxf., 1966, p. 109—114.

¹⁵ См. Андреев В. Н. Цена земли в Атике IV в. до н. э.— ВДИ, 1960, № 2, с. 57.

¹⁶ См., например: Древняя Греция. М., 1956, с. 394.

тельствуем о преобладании денежной формы богатства над недвижимостью на самой вершине социальной пирамиды.

О том, что сама эпоха, можно сказать, хорошо сознавала остроту вопроса о богатстве, заключенном в деньгах, говорят бесчисленные упоминания в источниках IV в. о «невидимом» имуществе, о превращении «видимого» имущества в «невидимое» и т. п.¹⁷ Образ богача, не имеющего земли, но только «невидимое богатство», «серебро и дары», появляется как своего рода социальный тип в комедии (Aristoph., *Eccles.* 601—602).

По-видимому, другая структура богатства была просто невозможна в афинском обществе IV в. по причинам как экономического, так и политического порядка. В самом деле, в какую иную форму могло превратиться денежное богатство, в какие отрасли экономики могли быть вложены эти колоссальные средства, — наверное, в общей сложности сотни и тысячи талантов, — если весь производственный базис оставался крайне ограниченным и консервативным, если экономической целью общества не было и не могло стать безграничное развитие производства? В принципе деньги можно было бы истратить на покупку недвижимости (хотя это по существу также не означало бы их «внедрения» в экономику), и такой процесс, по-видимому, действительно происходил в ином социально-политическом «климате», например в Спарте IV—III вв. Но в Афинах вступали в действие тормоза, выработанные двумя веками демократического развития. Даже если уже не действовал приписываемый Солону закон о земельном максимуме (Arist., *Polit.* 1266b₁₄₋₁₉), самое существование которого часто подвергается сомнению (в действительности здесь нет убедительных «за» и «против»), то все равно приобретение земли и другого недвижимого имущества в слишком больших размерах вызвало бы незамедлительную реакцию «общественного мнения» и государственной власти. «Видимое богатство» в Афинах классической эпохи было чрезвычайно уязвимой мишенью, и это хорошо засвидетельствовано современниками.

В результате — мне придется еще не однажды возвращаться к этой мысли — в обществе оказывался избыток денег, не связанных с производством. Я подозреваю, что количество этих денег в ценностном выражении могло в отдельные периоды в несколько раз превосходить «видимое» имущество. Здесь возможны, к сожалению, только очень грубые и, может быть, в чем-то спорные «прикидки», но и они могут оказаться небесполезными.

Так, площадь обрабатываемых земель в Аттике составляла что-нибудь около 60—70 тыс. га ($\frac{1}{4}$ всей территории). Если принять цену в 500 драхм за гектар¹⁸, общая стоимость этой земли равнялась приблизительно 30—35 млн. драхм, т. е. 5000 талантов (или несколько больше). Не буду продолжать подсчеты — все это очень ненадежно в смысле точности, хотя и дает общее представление о величинах, которые нас в данном случае интересуют. Для сравнения можно привести еще две цифры. Как известно, к началу Пелопоннесской войны в государственной казне Афин насчитывалось 6000 талантов в монете и 500 талантов в изделиях из драгоценных металлов (Thuc., II, 134). Так сколько же денег находилось в руках частных лиц, если это в общем-то маленькое и слабое (при всем своем «империализме») в финансовом отношении государство располагало серебром и золотом, в таком количестве, что было бы в состоянии, если бы захотело, скупить всю недвижимую собственность страны?! И далее: Эпикрата с его компаньонами обвиняли в том, что они получили от неза-

¹⁷ Глускина Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975, с. 120, прим. 3.

¹⁸ Андреев. Цена земли в Аттике..., с. 57.

конной эксплуатации рудника 300 талантов (Нурег., III [Euxen.], 35)¹⁹. Таким образом, в этой в сущности очень частной операции речь шла о сумме, составлявшей $\frac{1}{17}$ цены всей обрабатываемой земли (и $\frac{1}{20}$ всего облагаемого налогом имущества афинских граждан). Мне кажется, сопоставления этих цифр достаточно, чтобы стала ясной «несоизмеримость» двух интересующих нас типов имущества, хотя мы, разумеется, никогда не узнаем, во сколько именно раз денежное богатство, рассеянное по рукам отдельных лиц, зарытое в землю, отданное в долг или на хранение за границу, превышало цену недвижимости, находившейся в Аттике.

Пожалуй, эта «модель» афинского богатства могла бы объяснить отмеченный выше контраст между очень умеренной ценой земельных участков и домов и мелькающими в источниках оценками состояний в целом. Классическое место содержится в XIX речи Лисия. Оратор говорит, что многие граждане считались при жизни очень богатыми, а своим потомкам оставили куда меньшее состояние, чем то, которое им при жизни приписывалось (§ 45—48). В качестве примера Лисий приводит Исхомаха, Стефана, сына Талла, Никия и Никерата, наконец, Каллия и соответствующие цифры для каждого из них. Все эти случаи заслуживали бы специального рассмотрения, но здесь для нас важна их совокупность. «Между строк» у Лисия проскальзывает полупризнание, что дело не столько в преувеличениях молвы, сколько в реальном уменьшении перечисленных состояний. Самая возможность таких обнаруживающихся *post factum* колебаний в величине имущества скрыта, очевидно, в преобладании денежной формы богатства — той формы, которая поддавалась контролю извне лишь в соответствии с желанием владельца. Как это выглядело на более скромном уровне, можно видеть из сообщений о состоянии Комона. Комон оставил два дома, две группы рабов-ремесленников и немного денег в «банке». Лишь случайно выяснилось, что дома у него находились еще очень значительные суммы — талант и 20 мин (Dem., XLVIII, 12, 15).

Понятными становятся и некоторые факты, связанные с системой афинского налогообложения. Симон из III речи Лисия, оценивший свое имущество в 250 драхм (§ 24), был в состоянии устраивать пирушки (§ 11) и, может быть, истратить 300 драхм на свои прихоти (§ 22). В условиях значительного преобладания денежной формы богатства оценки имущества могли варьироваться в чрезвычайно широких пределах: они зависели от готовности сделать «видимой» для государства большую или меньшую часть своих денежных (и не только денежных) средств. Степень этой готовности определялась, конечно, бесконечно разнообразными конкретными обстоятельствами. И можно не сомневаться, что система государственного нажима на богатые (в какой-то мере, по-видимому, и на состоятельные) слои населения порождала в ответ систему уклонения от нее, достаточно изощренную и отнюдь не сводящуюся только к превращению части имущества в деньги.

Здесь не место, да я и не в состоянии предлагать какое-то новое толкование пресловутой «тимемы» в дополнение к тем, которые уже существуют в историографии. Некоторые факты, однако, представляются бесспорными. Ясно, например, что система обложения покоилась в значительной мере (если не в основном) на «объявленной» оценке имущества. Очевидно также, что у Афинского государства просто не было средств осуществить

¹⁹ Я надеюсь когда-нибудь показать, что инкриминируемое Эпикрату правонарушение — эксплуатация рудника, прорубленного *ἐντὸς τῶν μέτρων*, — может означать только одно: что рудник был (якобы) прорублен в противозаконной близости к уже существующему руднику. Эта интерпретация, по-видимому, позволяет преодолеть филологические и логические трудности, сделавшие это место камнем преткновения для многих исследователей.

эффективный контроль за точностью этой оценки (см. характерное место в [Aristot.], Oecon. II, II, 5 [1347a]). Но если это так и если верна предлагаемая мной «модель» афинского богатства, становится понятно, на какой зыбкой основе строятся все попытки определить имущественную структуру афинского гражданства, принимая в качестве исходного пункта те с виду точные цифры, которые так или иначе связаны с «тимемой»! Может быть, «солоновские классы» или их вариации, вокруг которых вращаются такого рода расчеты, — это только «официальная» сторона дела, лишь в малой степени отражающая подлинные имущественные отношения внутри афинского гражданства?

Приходится вернуться на несколько лет назад. В феврале 1976 г. в письме ко мне Майклом Кроуфордом был вновь поднят вопрос о надписях типа *rationes centesimarum*. В результате исследований, осуществленных частью мной, частью Дэвидом Льюисом, было установлено, что эти надписи отмечают массовую продажу «общественной» земли в частные руки, а также что в них скорее всего зафиксирован единовременный государственный акт (или серия таких актов), относящийся к 320-м годам до н. э.²⁰ Так вот, Кроуфорд спрашивал, не думаю ли я, что, может быть, требование Антипатра предоставить политические права в Афинах гражданам, имевшим свыше 2000 драхм, касалось не определенного имущественного ценза, а только владения землей (т. е. фактически возрождало предложение Формисия конца V в. до н. э.), а в связи с этим не была ли продажа земли, зафиксированная в *rationes centesimarum*, средством сохранить права гражданства для возможно большего числа афинян? Я написал в ответ, что это предположение интересно, но вряд ли оправдано, потому что большинство участков было продано за очень мелкие суммы, а некоторые, напротив, стоили слишком дорого (иногда в несколько раз больше чем 2000 драхм). Однако в связи с нынешними изысканиями идея Кроуфорда кажется мне все более остроумной и заслуживающей внимания. Нужно только слегка уточнить формулировку: допустим, что политические права оставались за гражданами, имевшими землю (или вообще недвижимость) на сумму, не меньшую чем 2000 драхм.

Конечно, мое второе возражение остается в силе. Зато первое может быть превращено в убедительный позитивный аргумент, если воспользоваться результатами моих прежних работ по аграрной истории. В самом деле, в свое время я доказывал, что значительная (может быть, преобладающая) часть земельных участков Аттики имела ценность что-то около 2—2,5 тыс. драхм: это была, по моему предположению, своеобразная «норма», восходящая к среднему наделу зевгита²¹. С такой точки зрения становится очень вероятным, что у нескольких сотен граждан ценность их земельных владений немного не достигала этого уровня — скорее всего потому, что в целях уклонения от повинностей они сами слегка занижали ее. Теперь им достаточно было «прикупить» участок ценой 25—100 драхм, чтобы оценить свою недвижимость в 2000 драхм или чуть выше, а тем самым сохранить политические права в рамках «конституции Антипатра».

Таким образом, предположение Майкла Кроуфорда великолепно объяснило бы еще одну особенность цифр, содержащихся в *rationes centesimarum*. В самом деле, какой другой мотив мог стимулировать массовую покупку мельчайших парцелл, по большей части, наверное, не граничащих с собственной землей покупателя? Что касается немногих более крупных цен, встречающихся в надписях, то можно предположить для них

²⁰ Lewis D. M. The Athenian Rationes Centesimarum. — In: Problèmes de la terre en Grèce ancienne. P., 1973, p. 187—212.

²¹ Андреев. Архаические нормы..., с. 158.

удовлетворительное истолкование: кто-то из граждан хотел обеспечить политические права для своих сыновей или достигнуть, скажем, ценза более высокого класса (было бы в духе новой конституции, если бы такой высший ценз в свою очередь доставлял бы определенные политические привилегии).

У меня нет полной уверенности в том, что эта гипотеза непременно оправдается — отчасти как раз потому, что она уж слишком хорошо объясняет суть дела и идеально совпадает с моими представлениями как об аграрном строе Аттики, так и о существенных чертах афинского богатства. Но и независимо от ее дальнейшей судьбы ценз 322 г. до н. э. легче всего представить себе как установленный на основе «тимемы», а «тимему» — как отражающую главным образом недвижимое имущество. Ведь очевидно, что нужны были какие-то жесткие критерии и недостаточно было предъявить соответствующей «комиссии», например, полталанта серебра или пару золотых чаш, чтобы остаться полноправным афинским гражданином: это было, разумеется, ясно и Антипатру, и афинским должностным лицам. Единственной возможностью было опереться на материалы «тимемы», т. е. на официальные записи, сделанные на основе личных деклараций. Отсюда видно, как, может быть, в действительности наивны постоянно возобновляемые попытки определить имущественную структуру и социальное развитие афинского общества в V—IV вв., пользуясь в качестве важнейшей опоры цифрами, относящимися к «перевороту Антипатра».

Преобладание денежного богатства имело и другие, может быть более важные, последствия для афинской социально-экономической жизни. Когда-то, впервые знакомясь с речами демосфеновского корпуса, я испытал сильное недоумение по поводу событий, изложенных в XLVII речи. Истец, сообщается в ней, задолжал по суду некоему Теофему 1313 драхм 2 обола. Он «приготовил» или «достал» (везде здесь употреблен несколько абстрактный глагол *poriζo*) эту сумму, но был вынужден истратить ее на выполнение триерархии. Немногими днями позже он снова «приготовил» деньги и положил их в «банк», чтобы расплатиться с Теофемом (§ 49, 51, 57, 64). Теофем тем временем совершил «набег» на имение, принадлежавшее истцу. Тот был извещен о случившемся, когда находился в Пирее (§ 62). Таковы обстоятельства дела, которые нас здесь касаются. Так вот, в самом деле, откуда противник Теофема «доставал» деньги? И чем он, между прочим, занимался в Пирее? Основное его имущество — земельный участок вблизи от города, по-видимому довольно большой и благоустроенный (§ 53, 76), он жил там с детства, занимаясь земледелием (там же). Он много денег издержал на государство (все они, впрочем, не забывали упомянуть о такого рода тратах), был стеснен в средствах, часть недвижимости продал, часть заложил (§ 54). Впечатление создается такое, что перед нами типичный землевладелец, не имеющий других значительных источников дохода. И вот в короткое время этот человек (так сказать, «не моргнув глазом»: он ничуть не акцентирует на этом внимание) сумел откуда-то получить и израсходовать больше 2000 драхм, т. е. цену среднего крестьянского участка в условиях Аттики...

Лайонел Кассон ссылается на этот эпизод как на пример «непродуктивного» займа²². Но о займе здесь ничего не говорится. Мы не знаем, откуда истец достал деньги. Однако, если бы ему пришлось залезть в новые долги, в его интересах было бы подчеркнуть этот выигрышный для него момент. Как кажется, самое естественное объяснение состоит в том, что истец имел крупные суммы в долгах или вкладах и их-то он и «приготовил»,

²² Casson L. The Athenian Upper Class and New Comedy. — TAPA, 106, 1976, p. 51, not. 52.

по афишировать свое «невидимое имущество» было не в его интересах, поэтому он и говорит об этом так глухо и неопределенно.

Мы сталкиваемся здесь с явлением, которое я назвал уже однажды «гипертрофией кредита»²³. Из приведенных выше примеров явствует, что существенную — и почти необходимую — часть имущества состоятельных и богатых граждан составляли деньги, данные в долг. Займы давались не только в пределах Аттики, но и за границей (см., например: Lys., XXXII, 6; Antiphon., fr. 67 (Blass); Dem., V, 8; Men., Kithar. 98—99 (Körte): по крайней мере подразумевается такая возможность). О чрезвычайной распространенности займов говорят как литературные источники²⁴, так и надписи на *ногоі* — долговых камнях. Их количество беспрерывно возрастает: в 1867 г. было известно около 10 *ногоі*, в конце XIX в. — 68, в 1931 г. — 129, в 1951 г. — 222, ныне, пожалуй, около 250, из которых, правда, значительная часть фиксирует не собственно долги, а обеспечение приданого и гарантию имущества сирот. Поскольку долговые камни распространены по всей территории Аттики, можно рассчитывать на увеличение находок их в будущем. Так сколько же их было всего? Пожалуй, не покажется слишком смелым предположение, что речь когда-нибудь пойдет не о сотнях их, а о тысячах.

Известны случаи, когда деньги, отданные в долг, представляли собой львиную долю имущества. Так, о наследстве Ксепопейта и Навискрата сообщается, что они оставили «все имущество» (в действительности большую часть) в виде денег, данных взаймы (Dem., XXXVIII, 7). Второй пример нуждается в доказательстве. Андокид говорит о своем дяде с материнской стороны Эпилике, сыне Тисандра, что тот окончил жизнь в Сицилии, а его домашние дела (на родине) были в скверном состоянии (*τὰ δὲ πράγματα τὰ οἴκοι πονήρως εἶχε*). Он оставил «видимого имущества» меньше чем на два таланта (*τὴν μὲν γὰρ φαυρὰν οὐσίαν οὐδὲ δυοῖν τάλαντοιν κατέλιπε*). Следует фраза: *τὰ δὲ οὐφειλόμενα πλεον ἢ τὴ πέντε τάλαντα*. Это место понимается приблизительно так: «в то время как его долги превосходили 5 талантов» (см. переводы Мейдмента и Фролова). По-видимому, такая интерпретация не вызывает сомнений, ее принимает также и Дэвис (с. 298). При этом он обращает внимание на два обстоятельства, производящих странное впечатление. Во-первых, Андокид не сообщает ничего об *ἀφανὲς οὐσία*, «невидимом имуществе» Эпилика. Во-вторых, Каллий и Гиппоник, принадлежавшие к династии афинских «миллиардеров», готовы были оспаривать у Андокида право жениться на «эпиклере», дочери-наследнице Эпилика (в самом деле, неужели для того только, чтобы уплатить долги банкрота-отца?). Все это, заключает Дэвис, внушает мысль, что в действительности оставленное Эпиликом наследство было много большим, чем готов был это признать Андокид.

Сомнения Дэвиса совершенно естественны, и ему, кажется, не достало последнего небольшого усилия, чтобы подобрать очевидное решение, лежащее у его ног. Здесь, наверное, сказалась та инерция мышления, которая нередко побуждает ученых почти механически воспроизводить однажды принятую внешне удовлетворительную интерпретацию. Кто-то первый, наверное, сопоставил приводимые Андокидом цифры с предыдущим его утверждением о «запутанном состоянии» (Мейдмент переводит «in confusion») дел Эпилика. Дальше сработал образ, привычный для современного общества, — образ человека, долги которого значительно превосходят его состояние. В действительности это понимание не бесспорное, не единственное и не лучшее, как я сейчас попытаюсь это доказать.

²³ Андреев. Структура..., с. 141.

²⁴ См., например, подборку Л. М. Глушкиной по «Характерам» Теофраста (Проблемы..., с. 94. прим. 86).

Отвлечемся ненадолго от «запутанных дел» Эпилика. Остаются одна или две фразы, построенные соответственно такой конструкции: τὰ μὲν... φαυτέραν οὐσίαν — «с одной стороны (во-первых, что касается)... видимое имущество» оставил такое-то, τὰ δὲ — «с другой стороны (во-вторых, что касается) ὀφειλόμενα» было в таком-то количестве. Пожалуй, в любом случае — если бы фраза предстала перед нами вне контекста — мы решили бы, что в ней содержится приблизительное перечисление имущества, с указанием двух его составных частей — «видимой» и «невидимой» формы. По содержанию (отчасти и по форме) очень близкую аналогию представляет собой сообщение об имуществе только что упомянутых Навсикрата и Ксенопейта. Там было сказано, что эти два брата имели (для наглядности меняю порядок перечисления) φαυτέραν (οὐσίαν) — «видимое имущество» μικράν («маленькое»), а вообще оставили все имущество — ἅπαντα (οὐσίαν) — χρέα, т. е. «в виде долгов». В этом случае вполне очевидно, — и никто никогда не понимал это место иначе, — что речь идет о двух главных статьях имущества Навсикрата и Ксенопейта. Что касается долгов, то это, конечно, не их долги другим лицам, а, напротив, те деньги, которые им были должны другие. Дело здесь в неизбежной двусмысленности понятия «долгов» как «денег, данных в долг» и «денег, взятых в долг», так что выбор значения зависит от контекста. По-видимому, аналогичным образом обстоит дело и в нашем случае. Ὀφειλόμενα, собственно, не означает даже «долги»: это — «должное», «то, что надо вернуть», независимо от того, в чью сторону направлено действие, кто кому должен их выплатить. Что деньги ὀφειλόμενα могут рассматриваться как «актив», как «помещенные в долги» — это безусловно доказывается по крайней мере одним местом у Лисия. Диодот, сказано там, перед смертью «показал» (по торговым книгам?) в числе остальных своих денег διαχίλιας... ὀφειλόμενας ἐν Χερρονήσῳ, т. е. 2000 (драхм), находившихся в долгу (или «должных», разумеется, ему) в Херсонесе (ср. χρέα: ὀφειλόμενα, где ὀφειλόμενα имеет точно такое же значение). Понимание этого места несомненно. Но зачем же вкладывать иной смысл в почти аналогичное, разве что более краткое перечисление у Андокида?

Вернемся к контексту, ибо именно он, очевидно, побудил исследователей к ошибочной интерпретации рассматриваемого пассажа. Дела Эпилика после его смерти оказались в «запутанном» (или «плохом») состоянии. Употребленное здесь выражение πανήρως εἶχε — довольно сильное. В рамках предлагаемого мной понимания текста оно выглядело бы просто неуместным, если бы Эпилик был еще жив. Но Эпилик скончался на чужбине, оставив двух дочерей-наследниц, а возвращение долгов для наследников было нередко сопряжено с определенными трудностями (см., например, Dem., XXXVIII, 11—14). В этих обстоятельствах утверждение Андокида не более чем, может быть, легкое преувеличение. А если принять то значение πανήρως, которое представляется первоначальным, то его можно понять как «в состоянии, требующем много трудов, хлопот». Это значение подходит сюда просто великолепно.

Недоумения Дэвиса разрешаются, таким образом, сами собой, не требуя никакого насилия над текстом (скорее с устранением такого насилия). Становится ясно, что ἀφανής οὐσία Эпилика в действительности указана Андокидом именно там, где ее появления следовало ожидать. Понятно вместе с тем, почему Каллий не останавливался перед затратами, чтобы получить наследницу в качестве своей невестки. Эпилик попадает в число тех граждан, имущество которых заключалось преимущественно в деньгах, данных в долг. И наконец, состояние его превышало, видимо, 7 талантов: это значит, что он заслуживает включения в «Регистр» Дэвиса в качестве еще одного богатого гражданина.

Итак, создается впечатление, что в течение IV в. (я говорю о IV в., потому что для него это достаточно подтверждено источниками, но есть основания предполагать, что в V в. дело обстояло приблизительно так же) громадные суммы денег функционировали (или как раз «бездействовали») в виде займов. Этого, пожалуй, никто не станет оспаривать. Стержень проблемы состоит в том, какое место в афинской социально-экономической структуре следует отвести этому феномену.

В этом отношении в современной науке установилась точка зрения, на первый взгляд абсолютно ясная и не вызывающая сомнений. Высказываются самые разнообразные суждения о том, в чем заключался экономический кризис в Афинах IV в., о степени упадка ремесла и сельского хозяйства (и был ли упадок), однако развитие торговли и кредитно-денежных отношений принимается как нечто несомненное²⁵. Я не занимался этим предметом в полном объеме и оставляю открытым вопрос, насколько в целом это мнение справедливо. Элемент неуверенности вносит то обстоятельство, что от V в. до нас дошло очень мало как раз тех источников, которые могли бы пролить свет на финансовые отношения в эту эпоху. Но допустим, что в основных чертах названная концепция верна. Здесь вместе с тем есть два частных вопроса, ответ на которые значительно менее ясен. Во-первых, а чем, собственно, порождено в IV в. развитие кредита? Во-вторых, какую роль это развитие играло в экономике?

Можно предположить, что рост кредита связан с экономическим развитием в собственном смысле слова, прежде всего с торговлей, и что кредит в свою очередь стимулировал это развитие. Однако если «морские займы» в самом деле имели прямое отношение к торговле, то ведь займы под залог недвижимости, зафиксированные на *horoí*, остаются сплошным белым пятном, поскольку назначение их неизвестно. В отношении этих займов ныне распространен тот взгляд, что они имели преимущественно непродуктивный характер²⁶. В частности, по мнению Финли, к ним прибегали состоятельные афиняне, нуждавшиеся в деньгах в связи с выполнением общественных повинностей. Л. М. Глускина подвергает эту точку зрения осторожному сомнению²⁷. Она собирает те (очень немногочисленные) случаи, в которых займы имеют «производственный» характер. Но, пожалуй, наиболее сильным ее аргументом выглядит указание на тот факт, что в подавляющем большинстве случаев мы вообще не знаем о целях, для которых предназначались займы. Очевидно, это аргумент обоюдоострый, который может быть направлен как в одну, так и в другую сторону.

Этот ход рассуждений в общем понятен: займы должны быть источником дохода, источником дохода они могли стать, только будучи связаны с производственными нуждами (с. 96). Это подход, естественный с позиций современной экономической истории. Но ведь с таких позиций целый ряд «параллельных» явлений совершенно необъясним. Сюда относится широчайшее распространение дружеских займов, а более отдаленно — общеизвестное стремление к собиранию сокровищ, повсеместное захоронение кладов, наконец. Станным для современного мышления образом стирается граница между займами и отдачей денег на хранение²⁸. Пожалуй, особенно отчетливо эта трансформация выступает в известном месте у Демосфена, где перечисляется имущество, оставленное его отцом (XXVII, 9—11). На этот раз придется рассмотреть его сравнительно подробно.

²⁵ См., например, *Mossé C. La vie économique d'Athènes au IVe siècle: crise ou renouveau?* — In: *Praelectiones patavinae*. Rome, 1972, p. 135—144.

²⁶ См. особенно *Finley. Studies...*, p. 81—87.

²⁷ *Глускина. Проблемы...*, с. 93—98.

²⁸ *Андреев. Демосфен о «банке» Пасикона...*, с. 138, где вопрос, правда, изложен очень коротко.

Так вот, перечислив два «эргастерия» (т. е. в сущности просто две группы рабов-ремесленников) и деньги, отданные под проценты, и сообщив по каждой из этих статей приносимый ею доход, оратор заключает: вот это отец оставил *ἐνεργᾶ*, т. е. «находящимся в работе». Подведя итог, Демосфен переходит к следующей категории имущества. Сюда включены «сырье» (для работы мастерских?), дом, обстановка, одежда, украшения и наличные деньги, одним словом, то, что Демосфен Старший оставил дома (опять следует итог). Наконец, особо перечисляются: «морские» деньги в количестве 70 мин (представляющие собой?) *ἐκδοσίς* у Ксута (не скажу, чтобы мне было ясно, что это означает, но подозреваю, что *ἐκδοσίς* может быть как-то связан с «компаньонством» в делах), 2400 (драхм) в трапедзе у Пасиона, 600 — в (трапедзе) Пилада, 1600 — у Демомела, сына Демона, что-то около таланта — отданные в долг суммами по 200 и 300 (драхм). Подводится итог, включающий все, за исключением *ἐνεργᾶ* (больше 8 талантов 50 мин), а затем — общий итог по всему состоянию (до 14 талантов).

Таково это место — одно из важнейших для экономической истории древней Греции. Имущество, следовательно, наиболее отчетливо разделено на две категории — *ἐνεργᾶ* и все остальное. Вторая категория здесь не названа, но немного выше, в § 7, говорится приблизительно так: вам надлежит услышать по порядку, что в имуществе было *ἐνεργᾶ* и что — *ἀργᾶ* и во сколько оценивалась каждая из этих статей. Ясно, что эти же *ἐνεργᾶ* и *ἀργᾶ* появляются в последующем перечислении.

Ἀργῆς означает прежде всего «бездействующий, ленивый, праздный» и т. п. (и применяется, например, по отношению к невозделываемой земле). В этом контексте *ἐνεργᾶ* следует, очевидно, понять как «приносящее доход» (Глускина соответственно переводит в «Хрестоматии по истории древней Греции» как «доходное имущество»), а следовательно, *ἀργᾶ* — как «не приносящее дохода». Очень любопытно, что Шван пытался все же «спасти» большую половину имущества Демосфена Старшего от полной «бездеятельности», допуская, что *ἀργᾶ* могло приносить доход, только незначительный²¹. Исследователю, склонному судить по аналогии (называть это «модернизацией» или нет), трудно смириться с тем фактом, что отец оратора проявил такое отсутствие деловой хватки. Между тем слова Демосфена не оставляют никакого места для сомнений: деньги, находившиеся на хранении, и деньги, розданные в качестве мелких займов значительному числу должников (простой подсчет показывает, что последних было больше 20), равным образом не приносили никаких процентов. Их главное назначение состояло, по-видимому, в том, что они, с точки зрения их владельца, просто где-то лежали, хранились, были в относительной безопасности.

В перечне имущества Демосфена Старшего привлекает внимание еще одно обстоятельство. Наряду с беспроцентными займами и деньгами, положенными на хранение у Демомела (Дэвис рассматривает эти 1600 драхм как loan, ссуду Демомелу — с. 127. Может быть, это ближе к истине. Но в чем здесь состоит различие, если не в том только, что какой-то одной из сторон принадлежала инициатива?), не приносящими дохода оказываются также «вклады» (слова «вклады» в тексте нет, но так, кажется, все это понимают) в двух трапедзах. Понятно, что среди ученых этот факт вызывает недоумение. Так, Л. М. Глускина пишет об этих вкладах следующее: «Отец Демосфена держал деньги в трапедзах Пасиона (2400 драхм) и Пилада (600 драхм). Но с другой стороны, поскольку доходы Демосфена Старшего складывались из поступлений от процентных займов и ремес-

²¹ Schwahn W. Demosthenes gegen Aphobos. Ein Beitrag zur Geschichte der griechischen Wirtschaft. Lpz. — B., 1929, S. 6.

ленных предприятий, можно полагать, что и в трапедзы он поместил деньги с целью получения доходов»³⁰.

Но ведь в сообщении Демосфена нет никакого намека на то, что Демосфен Старший поместил деньги в трапедзы «с целью получения доходов». По сути дела утверждается, как мы видели, совершенно противоположное. Что все деньги Демосфена-отца, перечисленные в заключительной части «инвентаря», не приносили никаких процентов — это видно из двух несомненных обстоятельств: во-первых, они отделены от процентных долгов, включенных в категорию *ἐνεργὰ*; во-вторых, они входят в общий итог с имуществом, которое ни в коем случае не могло приносить проценты. Все попытки как-то «обойти» эти обстоятельства продиктованы не самим текстом, а стремлением найти в нем смысл, удовлетворительный с точки зрения привычных нам представлений.

Как можно считать наиболее вероятным, большая часть вкладов в трапедзе Пасиона не относилась к категории *ἐνεργὰ*³¹. А не обстоит ли дело таким же образом и с другими трапедзами? И попутно: кто кому в таких случаях платил «проценты» — «банкир» вкладчику или вкладчик «банкиру»? Вторую возможность Глускина не рассматривает — для нее существуют только процентные (несомненно) и беспроцентные (возможно) вклады. Вместе с тем не приводится ни одного текста, в котором речь шла бы об уплате процентов вкладчику. Таких свидетельств для классической эпохи, насколько я знаю, вообще нет, и мы не должны считать заранее решенным вопрос о том, кто кому в таких случаях платил деньги, какой бы странной ни казалась эта мысль.

Следует отметить, что какой-то шаг в этом же направлении одновременно со мной сделал американский исследователь Весли Томпсон³². В своей статье он приходит к выводу, что «банкиры» обычно не платили вкладчикам процентов. Правда, Томпсон на этом останавливается, в других отношениях даже отступая назад по сравнению с Богертом, точку зрения которого он подвергает критике. Так, в отличие от Богерта он считает возможным, что «банковские» займы могли иметь преимущественно «коммерческий» характер. Дело, видимо, в том, что Томпсон рассматривает свой вопрос изолированно, вне широкого социально-экономического контекста. В результате получается несколько странная картина: богатые граждане делают вклады в «банки», «банкиры» эти вклады принимают, и никто никому ничем не обязан... Такое «равновесие», если принять второй тезис Томпсона, выглядит просто противоестественно: оно было бы, пожалуй, возможно только в условиях всеобщей незаинтересованности в денежных делах, что трудно представить себе в реальной жизни.

В связи с предложенной мной новой интерпретацией финансовых дел Пасиона мне кажется теперь, что самая проблема «банковского кредита» по сути дела ложная проблема. Первое, что здесь требуется, — это окончательно отрешиться от аналогий с современными банками. Томпсон и в этом отношении сделал шаг вперед: он высказывает мысль о незначительной роли аттических «банков» как центров кредита вообще (с. 240 сл.). Я и здесь хотел бы пойти дальше: «дело Пасиона» показывает, что самая преуспевающая афинская трапедза была, по-видимому, главным образом местом хранения денег, если отвлечься от ее функций, не связанных с вкладами. В связи с этим вопрос о том, какой характер имели предоставляемые трапедзами займы, теряет свою остроту. Да и могло ли быть ина-

³⁰ Глускина. Проблемы..., с. 76, прим. 19.

³¹ Андреев. Демосфен о «банке» Пасиона..., с. 138.

³² Thompson W. E. A View of Athenian Banking. — Mus. Helv., 36, 1979, p. 224—241.

че, если, как это ясно из самого существа дела, трапедзиты (в большинстве своем — неграждане) не имели возможности давать деньги под залог недвижимости, а к «морским займам», как справедливо отмечает Глускина³³, вряд ли особенно часто обращались ввиду риска, которому эти займы были подвержены. Вместе с тем хранение денег было услугой, и естественно предположить, что платили за него вкладчики, а не «банкиры».

Все эти «аномалии» получают объяснение, если принять идею об «избытке» денег, создавшемся в обществе. Вклады в «банках» были, может быть, главным образом средством разместить и сохранить денежное «сверхбогатство», «излишнее» с точки зрения экономического развития. Но таким же средством были, по-видимому, многие сделки, заключавшиеся между частными лицами. Знаменательно, что в перечне «введений» к речам Лисия (Рар. Оху., XXXI, № 2537) целых пять речей указаны как относящиеся к делам о *παράκαταθήκαι* (если — что очень вероятно — в некоторых или во всех случаях имелись в виду операции частных лиц, *παράκαταθήκαι* нужно понять здесь как «ценности, положенные на хранение»). В этом же ключе следует, вероятно, истолковать «гипертрофию кредита»: она была порождена, так сказать, «гипертрофией денежного богатства». Следует а priori предполагать, что такой кредит не мог стать движущей силой экономического процесса, да и не был для этого предназначен.

С такой же точки зрения можно подойти и к поразительной процедуре, носившей название «антидосиса» — обмена имуществом. Антидосис настолько чужд современной социально-экономической системе (стало быть, и современному мышлению), что высказывались сомнения в самой реальности его³⁴. Между тем в действительности риск, которому подвергались участники обмена, был, с их собственной точки зрения, может быть, гораздо меньшим, чем это ныне нам представляется. Их позиция должна была определяться тем, что антидосису подвергалась, надо полагать, почти исключительно недвижимость. При господствующем среди афинской имущественной элиты безразличии к той конкретной «производительной» форме, в которой воплощались их денежные средства, собственники, сохранившие деньги, сравнительно легко мирились с потерей прежней недвижимости и приобретением новой. Я не вижу никаких оснований — по крайней мере в принципе — сомневаться в том, что антидосис мог привести к реальному обмену: в глазах афинского обывателя это было, может быть, лишь немногим более рискованно, чем пресловутое «махнемся?»...

Таким образом, предположение о преобладании денежной формы богатства получает подтверждение и в источниках, и в целом ряде разнообразных явлений афинской социально-экономической действительности. Но нам осталось отметить еще две особенности крупных состояний в Афинах, имеющие прямое отношение к рассматриваемому вопросу. Обе они почти очевидны и вряд ли могут вызвать сильные возражения.

Подборки Джонса и Глускиной, да и перечень имущества Демосфена Старшего свидетельствуют, что состояния богатых афинян складывались обычно из весьма разнородных компонентов: земельных участков (Демосфен в этом отношении, конечно, нетипичен), домов, «синойкий», мастерских, рабов и денежных средств в различной их форме. Сюда следует прибавить рудники, арендованные у государства (а может быть, и находившиеся в собственности «предпринимателей»), в некоторых случаях корабли, может быть, трапедзы и т. д. Подборку граждан, владевших по крайней мере двумя-тремя видами имущества, можно было бы расширить, по-

³³ Глускина. Проблемы..., с. 78—84.

³⁴ См. об этом Mossé C. La fin de la démocratie athénienne. Aspects sociaux et politiques du déclin de la cité grecque au IVe siècle avant J. C. P., 1962, p. 153 suiv.

жалуй, раза в три-четыре, но это кажется излишним: в подавляющем большинстве этих случаев полного перечня имущества мы не имеем, и они по существу ничего нового нам не открывают.

Важнее другое — понять эту особенность как органическую часть социально-экономической «системы». В самом деле, здесь действует бегло упомянутый выше «принцип рассредоточения средств», и здравый смысл подсказывает, что этот принцип был бы несовместим с экономикой, развивающейся по законам товарного производства, в условиях конкурентной борьбы. Какие причины обусловили эту очередную «аномалию»? Я думаю, «пестрота» имущества давала скороспелому и непрочному богатству некую гарантию устойчивости как в экономическом, так и в политическом отношении. Но это значит в конечном счете, что богатство по сути дела не «вращалось» в производство. Я еще не однажды — с самых разных сторон — вернусь к этому вопросу. Здесь достаточно отметить, что во всей афинской литературе отсутствует идея *развития* экономики как таковая. Общая сентенция о том, что античный технический базис был застойным, приобретает живые черты, если обратиться к литературным источникам: нигде никаких указаний на расширение производства, усовершенствование орудий труда, снижение себестоимости продукции и тому подобные факты. Встречаются, правда, указания на обработку запущенных земельных участков, но мне кажется, что это явление какого-то иного порядка. Финли с обычным своим остроумием обратил внимание на то, что в речах Демосфена против опекунов выступает удивительная концепция «капитала»: требования Демосфена к опекунам основаны на той предпосылке, что готовая продукция, высота прибыли и чистый доход многие годы остаются неизменными³⁵. К этому можно добавить, например, арендную плату, устанавливаемую раз навсегда, даже когда речь шла о наследственной аренде. За всем этим проступает идея *постоянства* в размерах отдельных «предприятий» и доходах от них. Богатство в таких условиях не становилось ферментом экономического развития даже в тех случаях, когда оно вкладывалось в приобретение важнейших средств производства. Общественная экономика чем-то напоминала совокупность «геометрий» Анаксагора — легко приравняваемых, взаимозаменяемых, лишенных качественных различий. Это, наверное, звучит как парадокс, но, может быть, с точки зрения социальных функций тайным идеалом и прообразом «передовой» афинской экономической системы были знаменитые «клеры» отсталой и консервативной Спарты.

И наконец, еще одной особенностью афинского частного богатства является неустойчивость и «мобильность» его структуры. Я могу здесь только повторить то, что писал в своей статье: «Поражает... та легкость, с которой богатые афиняне изменяли состав своего имущества, как будто их интересовало не *производство* в целом, а только получение *устойчивого дохода*. Поэтому, если капиталист в глазах общества нередко превращается в некий безличный придаток к своему предприятию, афинский нувориш — это просто богатч, и мы часто находимся в поразительном неведении относительно источников его благосостояния. Вероятно, здесь проявляется какое-то свойство не столько мышления древних греков, сколько самой их общественно-экономической системы. В этой связи вызывают сомнения постоянно возобновляемые попытки современных ученых за борьбой политических группировок в Афинах в качестве скрытой пружины обнаружить противоположные экономические интересы различных прослоек внутри афинской имущественной элиты»³⁶. Я имел в виду преж-

³⁵ Finley M. I. The Ancient Economy. L., 1973, p. 116.

³⁶ Андреев. Структура..., с. 140.

де всего работу Лауфера, который пытался связать позицию ряда деятелей «антимакедонской» партии в Афинах с их экономической заинтересованностью в лаврийских серебряных рудниках³⁷. Если здесь что-то и верно, то разве только случайно, потому что весь подход к делу в принципе ошибочен. Ряд персонажей, причастных к афинской внешней политике, арендовал рудники или владел эргастериями в рудничном районе. Но я далеко не уверен, что хоть один из них когда-нибудь побывал в «своем» руднике. Для богатых людей рудники и другие рудничные предприятия были скорее всего лишь одним из источников дохода, а представление о них как о «горнопромышленных» может оказаться чистойшей иллюзией.

Достаточно привести несколько примеров, чтобы проиллюстрировать мысль о «подвижном» характере афинского богатства и в самых спокойных внешних и внутренних условиях. Один из них содержится в речи Эсхина против Тимарха. Оратор упрекает Тимарха в том, что тот, распродав отцовское имущество, не приобрел себе другой дом в городе, а взамен утраченных земель, рабов и прочего не вложил деньги в рудничное предприятие, как когда-то сделал его отец (§ 105). Сама эта радикальная перемена в составе имущества, очевидно, с точки зрения Эсхина не заключала в себе ничего предосудительного или просто необычного.

Леократ, продав дом и рабов, вложил деньги в торговлю (Lys., Leocr. 22, 26). В § 58 тот факт, что он прежде владел кузницей, а превратился в купца, сам по себе с моральных позиций выглядит как вполне нейтральный. Как похвала опекунам звучит у Демосфена (XXXVIII, 7) сообщение о том, что они превратили в недвижимость имущество своих подопечных, состоявшее прежде из денег, данных в долг. По мнению Ксенофонта, естественно и оправданно, что в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры прежние землевладельцы обращаются к торговле и ростовщичеству (Vect. IV, 6). Словом, с легкостью осуществляемые перемены в составе имущества (так сказать, добровольный «антидосис») — это обычное явление в жизни богатых афинских граждан. Создается впечатление, что очень многим из них было почти совершенно безразлично, куда вложить свои деньги, лишь бы получать гарантированный доход, пусть даже какие-нибудь скромные 10%...

Мы должны, по-видимому, констатировать в качестве «нормальной» черты афинского «капиталиста» отсутствие органической связи с производством, с какой-то определенной отраслью хозяйства. Во всяком случае, эта связь ощущается как несравненно более слабая, чем в современном обществе. Лишь в редких случаях встречаем мы указание на постоянную занятость того или иного богатого человека в конкретной сфере экономической деятельности. Кем, собственно, были десятки политических деятелей IV в.? Кто такой, например, Демад? Моряк, кораблестроитель, перевозчик, как сообщает о нем Свида (Δ 415)? Кем был Эсхин? Кем — Гиперид, арендовавший большой участок земли поблизости от Элвесиона и (вероятно) рудник в Лаврии? Земледельцем? Горнопромышленником? Разумеется, нет: он был *ῥήτωρ* (как и все они), буквально «тот, кто говорит», и все его интересы, время, способности были, наверное, направлены преимущественно на предмет и форму произносимых им в суде и собрании речей.

Правда, мы встречаем «профессиональные» обозначения применительно к политическим деятелям последней трети V в., по-видимому, выходцам из ремесленных кругов, и спорадически — в течение IV в. «Кожевники» Клеон и Анит, «ламповщик» Гипербол, «изготовитель лир» Клеофонт и

³⁷ Lauffer S. Prosopographische Bemerkungen zu den attischen Grubenpachtlisten. — Historia, 6, 1957, S. 287—305.

т. д. — известно, в каком контексте произносились эти «профессиональные клички». Более или менее презрительный оттенок этих прозвищ находится в разительном контрасте с привычными нам титулами «стальных» и «нефтяных» королей. В Афинах никто не становился таким «королем» — ни «оружейным», ни «кожевенным», ни «горшечным». И может быть, мало где еще столь же рельефно выступает различие в мировоззрении двух эпох — различие, в конечном счете обусловленное тем местом, которое занимает *производство* во всей их социальной системе.

И еще одно замечание. Самый тот факт, что о человеке можно было сказать «булочник Навсикид» или «Филипп навклер» в уверенности, что обозначенное таким способом лицо окажется более или менее узнаваемым, свидетельствует, пожалуй, о сравнительной редкости подобных «профессионалов» в высших слоях афинского общества. Человек, профессионально связанный с какой-то отраслью хозяйственной деятельности (кроме разве земледелия), настолько казался «белой вороной», что такого рода прозвище иногда оставалось просто как тавро, полученное на всю жизнь. Мы убедились также на примере Демосфена Старшего (вошедшего в историю под именем «ножовщика»), насколько мало оно могло отражать реальное положение вещей.

Создается впечатление, что все эти характерные черты афинского богатства «нарастали» к концу классической эпохи. Так, меня когда-то очень смущали те цифры приданого, которые встречаются в комедиях Менандра. Вообще, как правило, в приданое давались наличные деньги. Обычный уровень приданого для состоятельных и богатых семей по судебным речам IV в. — 2000—4000 драхм, иногда талант, редко больше. Несколько меньшие, но все же сравнимые цифры содержат надписи на закладных камнях. С другой стороны, у Менандра появляется приданое в 2, 3, 4 и даже 10 талантов³⁸. Я подозревал здесь в свое время какую-то чисто литературную условность, ставшую традиционной «идеализацией» действительности, — мысль, представлявшая собой, конечно, не более чем акт отчаяния. Между тем дело, по-видимому, объясняется очень просто. К концу IV в., когда началась литературная карьера Менандра, в результате завоеваний Александра и создания эллинистических государств в Грецию хлынул поток серебра и золота с Востока. Это привело к тому, что возросла и без того высокая доля «денежной формы» богатства. Важно, наконец, подчеркнуть, что это изменение произошло без существенного перераспределения собственности и ее концентрации в руках немногих. Просто увеличился «избыток» денег, которые, собственно говоря, некуда было «вложить».

Альтернативное объяснение содержится в статье Кассона, с которой я познакомился в последний момент³⁹. По его мнению, дело в том, что новая комедия вообще отражает жизнь самого высшего имущественного слоя афинского гражданства. Возможно, в этом предположении есть доля истины, хотя, кроме самих этих цифр, его нечем подтвердить, а в стремлении доказать свой тезис Кассон, кажется, слишком увлекся: у него получается, что даже Горгий из «Брюзги» — отнюдь не бедняк...

Думаю, что предложенное мной объяснение, в принципе совместимое с идеей Кассона, не является излишним. Дело в том, что приведенные Кассоном цифры (даже будучи подвергнуты изобретательной обработке) все же оставляют впечатление несомненного роста к концу IV в. (хотя цифру в 10 талантов он и не приводит). Этот рост, очевидно, должен быть объяснен.

³⁸ Gomme A. W., Sandbach F. H. Menander. A commentary. Oxf., 1973, p. 296 f.

³⁹ Casson. The Athenian Upper Class..., p. 53—59.

Здесь, может быть, сыграло роль еще одно обстоятельство: в конце IV в. до н. э. прекращает свое действие система литургий, а вместе с тем, надо думать, и система уклонения от нее. Во времена Менаандра уже не было, пожалуй, необходимости скрывать денежное богатство. В прямую связь с этим обстоятельством можно поставить попытки Деметрия Фалерского ограничить рост «демонстративного потребления».

В статье «Структура крупных состояний в Афинах V—IV вв. до н. э.» я писал: «Появление громадных состояний в денежной форме должно было, по-видимому, создать в обществе своеобразный переизбыток денежных средств. Любопытно, что это не сопровождалось адекватной инфляцией: еще одно подтверждение того взгляда, что развитие античной экономики лишь в ограниченной степени определялось закономерностями товарно-денежного обращения» (с. 140).

Похоже на то, что заключительный тезис, сам по себе в общем верный, вряд ли применим именно в данном случае. В остальном замечание это было оправданным. Действительно, самая тенденция к росту цен в «классическую» и даже в «эллинистическую» эпоху несколько сомнительна как раз в отношении важнейшего предмета потребления — хлеба⁴⁰. Если, как кажется по беглому впечатлению, в целом цены и заработная плата все-таки росли, то этот рост представляется относительно «нормальным» явлением, не означающим инфляции в собственном смысле слова. Почему же, в самом деле, несомненный наплыв денег в эпоху эллинизма не привел к значительному росту цен, к обесценению монеты и т. д.?

Тогда я не видел никакого даже приблизительного объяснения отмеченному здесь факту. Только теперь, снова размышляя об этих вещах, я, кажется, нашел очень простой ответ на свои недоуменные вопросы. Дело, наверное, в том, что «избыточные» деньги в основной своей массе не только не вкладывались в производство, но и не поступали в обращение: они оседали в сокровищницах, «кубышках», сундуках, в конторах трапедзитов. Конечно, в этой системе существенные бреши пробивало растущее расточительство, но самая система оставалась непоколебимой⁴¹.

Все сказанное в конечном счете, как представляется, находит себе место в рамках той концепции афинского частного богатства, которую я вкратце формулировал несколько раз начиная с 1958—1959 гг. и которую при удобном случае попытаюсь обосновать значительно более подробно. Суть этой концепции состоит в том, что крупные состояния в Афинах возникали в основном не в процессе производства, по «природе» своей ориентированного на потребление и уже в силу этого способного лишь к весьма ограниченному росту, а за счет главным образом «внеэкономических» источников обогащения, в значительной степени находящихся за пределами страны. Такое богатство по необходимости имело преимущественно денежную форму. Оно сохраняло эту форму и в дальнейшем, потому что стесненное узкими рамками производство не требовало вложений в столь широких размерах, было не в состоянии «абсорбировать» всю эту денежную массу. Богатство, таким образом, оказывалось в самом деле «избыточным»: оно лежало в бездействии, изымалось государством (если у государства хватало на это силы и желания) или реализовывалось в процессе разнообразнейшего «сверхпотребления». Владение средствами производства и «продук-

⁴⁰ См. таблицу Хейхельхайма. — RE, Supplbd. VI, Sp. 888—890.

⁴¹ Во время обсуждения работы В. М. Смирин высказал предположение о том, что в античном обществе в определенный период сложились как бы две различные (и в сущности самостоятельные) сферы обращения: одна охватывала основные, массовые предметы потребления, другая — предметы «сверхпотребления», а цены в той и другой сферах были просто несоизмеримы между собой. Мысль эта кажется мне очень интересной и ведущей в абсолютно верном направлении.

тивной» собственностью вообще было не столько предпосылкой денежных накоплений, сколько их результатом и материальным воплощением. Экономическая активность рассматривалась главным образом как средство получения устойчивого дохода, т. е. не умножения, а сохранения крупных состояний. Не было ни сколько-нибудь серьезной экономической конкуренции, ни реальных попыток установления монополии, ни существенного технического или организационного прогресса в производстве. В таких условиях сформулированный выше принцип рассредоточения средств оказывался наиболее разумным, и, если угодно, «экономичным»; вместо концентрации средств происходило их «распыление», и эта «несообразность» вполне соответствовала тому обществу, каким были Афины классической эпохи. Само собой, что вся эта социально-экономическая (следовательно, и социально-психологическая) атмосфера порождала безразличие к конкретной форме «продуктивной» собственности, в которой материализовалась часть денежного богатства.

Вернемся ненадолго к началу этой статьи. Там была высказана мысль о том, что преобладание материальных ценностей в составе богатства способствует — при прочих равных условиях — консервации социальных отношений и устойчивости экономического господствующего класса (его консолидации в «сословие» и т. д.). Напротив, преобладание денежной формы богатства придает ему известную долю «подвижности». Отсюда следует, что имущественные отношения в Афинах должны были отличаться относительной «текучестью», а состав богатых слоев — оказаться сравнительно «аморфным» и нестойким.

Я хорошо сознаю, что эта концепция отражает в основном только внешнюю сторону действительного исторического процесса, и я не вижу ясного ответа на вопрос, *почему* все это было так, как здесь описано.

Пожалуй, следует сделать несколько оговорок — хотя бы для того, чтобы выдвинутые здесь положения не казались «абсолютизированными». Во-первых, как явствует из названия и предмета статьи, речь идет повсюду не о низших и средних слоях афинского гражданства, а о его «имущественной элите». Во-вторых, несколько иначе, по-видимому, обстояло дело в сфере обращения. Но здесь достаточно отметить, что торговля и профессиональная финансовая деятельность в Афинах находились в основном в руках неграждан. В-третьих, все указанные характеристики я прилагаю к Афинам V—IV вв., стало быть, они не распространяются ни на эллинистическо-римскую, ни на архаическую эпохи. Только в качестве догадки я рискну выдвинуть предположение, что в «нормальном» социально-экономическом развитии Афин примерно на рубеже VI и V вв. произошел некий «сдвиг», приведший к их переходу на «более легкий» путь, включающий прежде всего очень существенный элемент паразитизма за счет внешнего мира.

И наконец, я хотел бы еще раз подчеркнуть, что считаю абсолютно бесперспективными любые попытки истолковать явления афинской общественной жизни с помощью аналогий, опирающихся на опыт капиталистической эпохи. Во многих отношениях это был мир «Зазеркалья». В частности (а может быть, в особенности), прямолинейное применение критериев «выгодности» и «прибыли» к афинской экономике оставляет нам только два выхода: либо насилие над источниками, либо признание, что эта экономика была абсурдной.